

Мы надеемся, что значительный интерес молодых советских историков к проблемам устной истории приведет к организационному укреплению Общества устной истории России, координации научной работы историков, этнографов и фольклористов. Тогда, видимо, станут возможными коллективные исследования (на материалах устной истории) по проблемам нэпа, коллективизации, культа личности Сталина, традиционной народной культуре и др.

Думается, что необходимо и переосмысление накопленного опыта этнографов, фольклористов. Ведь создававшиеся в 1920—1970-е годы записи рассказов старожилов о прошлом нуждаются в новом прочтении.

Применение новых методик к фондам старых записей позволит не только создать новые оригинальные научные работы, но и вернуть из небытия уникальные источники по истории нашей страны.

Примечания

¹ Урсу Д. П. Методологические проблемы устной истории//Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. 1989. М., 1989. С. 3—32.

² Проблемы устной истории в СССР. Тезисы научной конференции/Отв. ред. Бердинских В. А. Киров, 1990. 40 с.

³ Там же. С. 7—8.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Там же. С. 10, 11.

⁸ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Миненко Н. П. Живая старина; будни и праздники сибирской деревни в XVIII — первой половине XIX века. Новосибирск, 1989.

⁹ Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. М., 1982; Алексеевич С. Последние свидетели. М., 1987; Бердинских В. А. Рядовые фронта и тыла./Волга. 1989. № 5—6; его же. Очерки крестьянской цивилизации в России./Волга. 1991. № 1—3; Федорченко С. Народ на войне. М., 1990.

¹⁰ Проблемы устной истории в СССР. Материалы второй научной конференции в г. Кирове 14—15 мая 1991 г./Отв. ред. Бердинских В. А. Киров, 1991. 80 с.

¹¹ Там же. С. 26.

¹² Там же. С. 72.

© 1992 г., ЭО, № 5

Т. Б. Уварова

ЗАРУБЕЖНЫЕ АВТОРЫ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ В СССР

B. Naha ylo, V. S w o b o d a. Soviet Disunion: A History of the Nationalities Problem in the USSR. L., 1990. 432 p.; The Nationalities Question in the Soviet Union/Ed. G. Smith. L.; N. Y., 1990. 389 p.

В последние годы развитие национальных отношений теперь уже в бывшем СССР стало предметом пристального внимания за рубежом, что обусловлено важнейшей ролью национального вопроса в судьбе страны в целом, его первостепенным значением для перспектив дальнейшего развития.

Работы, посвященные этому кругу проблем, разнообразны по жанру — от публикаций в периодической печати до крупных монографических исследований известных западных авторов, — уже были представлены читателям нашей страны в специальных информационных изданиях^{*}. Большая часть авторов уделяет внимание преимущественно последним событиям наиболее острого, кризисного характера, попыткам поиска властями различного уровня путей их урегулирования, а также поли-

^{*} Зарубежная литература о национальных отношениях в СССР: Реф. сб. М.: ИНИОН, 1991. 154 с.; Зарубежная литература о национальных отношениях в СССР. М.: ИНИОН, 1991. Вып. 1. 122 с.

тическим прогнозам дальнейшего развития межнациональных отношений между бывшими республиками и возможным внешнеполитическим ориентациям в будущем.

На таком фоне обе коллективные монографии привлекают внимание попыткой создания «обратной», исторической ретроспективы видения национальных проблем в СССР. Эти работы, не повторяя, дополняют друг друга.

В книге старшего преподавателя русского и украинского языков Лондонского университета В. Свободы и журналиста радиостанции «Свобода» Б. Нахайло в хронологической последовательности характеризуется широкий круг явлений, обозначенных единым понятием «национальная политика». Авторы широко используют материалы из официальной и «самиздатской» советской журналистики, а также западные исследования по национальным проблемам в СССР, стремясь осветить их прежде всего «с позиций нерусских народов». По мнению авторов, самую основу национальных проблем в СССР составляют именно «неспособность Советов осуществить провозглашенные ими права наций, в первую очередь на самоопределение, постоянные нарушения своеобразного „национального договора“ и возникшее в результате вопиющее расхождение теории и практики в подходе Советов к проблеме федерации и взаимоотношений между народами» (с. XIII).

Вторая книга под общей редакцией известного английского специалиста по Прибалтике Грехема Смита (Кембриджский ун-т) подготовлена международной группой сотрудников исследовательских центров Великобритании, США, Германии и Швеции. Основное внимание в работе уделено характеристике 20 из 140 народов Советского Союза, пожалуй, наиболее полной и систематической в зарубежной литературе. Главы-очерки по каждому из народов сгруппированы в шесть частей в соответствии с регионально-административным делением страны: «Прибалтика» (главы «Эстонцы», «Латыши», «Литовцы»); «Юго-западное пограничье» (главы «Украинцы», «Белорусы», «Молдаване»); «Закавказье» (главы «Армяне», «Азербайджанцы», «Грузины»); «Мусульманская Средняя Азия» (главы «Казахи», «Узбеки», «Туркмены», «Киргизы», «Таджики»); «Нерусские народы России» (главы «Татары», «Буряты», «Якуты»), «Дiasпоры» (главы «Крымские татары», «Евреи»).

Очерки, написанные разными исследователями, в целом следуют единому плану. Во всех приведены краткие сведения о досоветском периоде истории. В более пространственных разделах по истории в составе Союза характеризуются социально-экономические, демографические, культурные и политические факторы развития, особенности их регулирования со стороны Москвы. Особое внимание уделено влиянию реформ Горбачева на национальную экономику и культуру, роли республиканских и партийных лидеров в этих изменениях, возникновению и развитию национальных движений и организаций или других форм этнокультурного возрождения.

Очерк о русских как особой, доминирующей национальности в Советском Союзе включен в вводный раздел, где, кроме того, дается краткий исторический обзор советской национальной политики, позволяющий, как подчеркивает автор этого экскурса Г. Смит, рассматривать меры Горбачева в этой области в соответствующем контексте исторической ретроспективы. Оценивая современную ситуацию, Г. Смит считает, что осмысление национальных проблем, все еще опирающееся на марксистско-ленинскую традицию, уже подвергается запоздавшему пересмотру, однако разрешение целого ряда вопросов, связанных с мультиэтнической природой советской федерации, остается по-прежнему проблематичным.

Для классического марксизма национальный вопрос выступал как второстепенный. Возникновение и развитие наций — один из очевидных признаков буржуазного развития — связывалось с эпохой капитализма, поэтому и сохранение национальных различий представлялось вероятным лишь для того этапа. Существующие различия постепенно должны были утратить свое значение, в первую очередь для представителей рабочего класса.

Тем не менее право наций на самоопределение было включено в программу Второго Интернационала на Лондонском конгрессе 1896 г., а в 1903 г. оно было признано и съездом Российской социал-демократической рабочей партии. Формулировка, подчеркивающая в праве наций на самоопределение в первую очередь право на политическое отделение, позволяла, по мнению Г. Смита, связать стратегию борьбы за власть с разрешением российского национального вопроса, т. е. помогала привлечь националистические движения к борьбе за социализм.

Образование после Февральской революции 1917 г. Украинской Центральной Рады, Белорусской Рады, национальных Советов Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии, Армении и Азербайджана, курултаев (мусульманских советов) в Крыму, Башкирии и Казахстане, Шура-и-ислама в Туркестане, Союза объединенных горцев Кавказа, казачьих Советов и выдвигаемые всеми этими органами требования реорганизации Российского государства в федерацию равноправных государств определили на несколько лет стратегию большевиков в национальном вопросе, считают В. Свобода и Б. Нахайло. Давая краткий обзор событий, предшествовавших образованию в 1922 г. СССР, эти авторы уделяют значительное внимание «ленинскому завещанию» по национальному вопросу. «Важно отметить,— пишут они,— что Ленин, как представляется, был единственным из советских лидеров, кто признавал

существование российского коммунистического империализма» (с. 54). Вместе с тем он осознавал, что одной силы недостаточно для воссоединения распавшейся Российской империи. «В силу того, что нерусские нации состояли преимущественно из крестьян, принятие новой экономической политики оказало неизбежное воздействие на советскую национальную политику. Либерализация экономики означала неизбежную либерализацию политики в области национальных отношений. Вот почему „поздний“ Ленин и его принципы национальной политики использовались впоследствии нерусскими народами в качестве образца, с помощью которого они пытались защитить свои права» (с. 59).

Вместе с тем, отмечается в книге, даже в этот «золотой век» советской национальной политики нарушения «национального договора» были частыми и вопиющими. Особенно заметным это стало во второй половине 20-х годов, когда «главной целью Сталина была ликвидация свободного крестьянства — единственной экономически независимой силы в стране и опоры национальных движений среди нерусских народов, представлявшего потенциальную преграду утверждению его абсолютной власти» (с. 69).

Уже в начале 30-х годов возникает практика насильственного переселения целых народов, отрабатывается «техника» репрессий, которые в годы второй мировой войны и после нее будут охарактеризованы как проявления национального геноцида.

Однако сформулированная Сталиным в его работе «Марксизм и национальный вопрос» «ограничительная и вместе с тем достаточно неопределенная концепция национальности, создающая возможность политического маневрирования», как определяет ее Г. Смит, заложила, по его мнению, основы национальной политики последующих поколений советских государственных деятелей, включая также период после осуждения практики сталинизма на историческом XX съезде КПСС в 1956 г.

В первые послевоенные годы скрытая от глаз внешнего наблюдателя ситуация в национальном вопросе в СССР оставалась весьма сложной. Незыблемым принципом национальной политики стала концепция русского народа как «старшего брата», в то время как интеллигенция нерусских народов методами жесточайшего террора была принуждена к молчанию.

Первую попытку использовать этот скрытый потенциал в политических целях, по мнению авторов, предпринял Лаврентий Берия, проведя в своих попытках захватить власть ряд коренных изменений в национальной политике. В книге приводится целый ряд свидетельств начала кампании по борьбе с шовинизмом, с помощью которой, считают авторы, Берия на деле старался укрепить свои позиции через привлечение на свою сторону нерусских кадровых работников.

Национальная политика середины 50-х годов рассматривается авторами в свете развернувшейся между Маленковым и Хрущевым борьбы за власть. Так, авторы считают, что, провозгласив украинцев в ходе празднования 300-летия Переяславской Рады вторым после русских «великим народом» и передав Украине в качестве залога «укрепления единства и истинной дружбы» Крым, Хрущев использовал республику в качестве своего политического плацдарма. Одновременно экономическим плацдармом стал Казахстан, где развернулось освоение целинных земель.

Заметный сдвиг в сторону частичного восстановления «национального договора» был сделан на XX съезде партии. Либерализация национальных отношений была подтверждена и экономическими мероприятиями. В рамках развернувшейся кампании по децентрализации республикам было передано в управление до 55% расположенных на их территориях промышленных предприятий. Больше внимание стало уделяться национальным языкам, было опубликовано значительное число произведений нерусских советских писателей.

Очередной поворот в сторону от курса на «расцвет национальных культур» начался в 1958 г. с утверждением концепции постепенного «слияния наций». Одним из главных направлений нового курса авторы считают реформу школьного образования, в которой был сделан упор на изучении русского языка в школах национальных республик.

Характеризуя реформы 1958—1959 гг. в области образования, Г. Смит также отмечает, что они должны были «способствовать сближению наций», если возможно применить данное выражение к директивному расширению сферы использования русского языка, что должно было ускорить ассимиляционные процессы в стране. По-видимому, считает Г. Смит, эти меры можно рассматривать как реакцию центра против возрождения «местничества» и «национальной узости сознания» в результате укрепившейся экономической самостоятельности республик.

В докладе Хрущева на XXII съезде КПСС в октябре 1961 г. были утверждены теоретические и практические основы национальной политики в СССР, которая, по мнению исследователя, оставалась неизменной на протяжении последующих 25 лет. Расцвет и сближение, до полного слияния, социалистических наций и культур по-прежнему рассматривались как конечная, хотя исторически и очень отдаленная перспектива развития советских народов. Для текущего этапа как предпочтительное вводилось понятие «единство социалистических наций».

Брежнев, сменивший Хрущева на посту первого секретаря ЦК КПСС, возвратился к централизованному руководству экономикой через систему министерств, что означало окончательный отказ от каких-либо экспериментов, угрожавших подрывом позиций центральной власти. Вместе с тем,

по мнению Г. Смита, именно при Брежневле политическая элита республик получила большую, чем прежде, свободу действий.

В. Свобода и Б. Нахайло в своей работе также уделяют внимание попыткам местной партийной элиты в союзных республиках выступить в этот период в защиту национального самоуверждения. Однако они отмечают и одновременный подъем русского национализма.

Следующим этапом развития ассимиляционной политики в национальном вопросе эти авторы считают XXIV съезд КПСС (1971 г.), на котором советский народ определялся как историческая общность нового типа. Г. Смит в этой связи обращает внимание на тезис в выступлении Брежневле, подчеркивающий недопустимость форсирования объективного процесса сближения наций.

Отмечая заметное снижение «ассимиляторского рвення Кремля» в короткий период руководства страной Андроповым, В. Свобода и Б. Нахайло переходят к новому этапу подъема национальных движений в республиках СССР, вызванному курсом Горбачева на перестройку и гласность. Первоначально они были тесно связаны с проблемами экологии, где сразу же выделились два эпицентра — зона Арала и Чернобыльская катастрофа.

По оценке Г. Смита, Горбачев, избранный на пост Генерального секретаря ЦК КПСС в марте 1985 г., не считал национальный вопрос проблемой первостепенной важности. В выступлении на XXVII съезде КПСС в феврале 1986 г. эта проблема была охарактеризована им кратко и в целом без каких-либо существенных отступлений от прежнего курса на «всестороннее сближение наций», хотя в стране шла быстрая эскалация национализма, а события в Алма-Ате в декабре 1986 г. уже стали первым ударом этнической периферии по программе реформ.

В феврале 1988 г. эпицентр этнических волнений переместился в Закавказье в связи с армяно-азербайджанским конфликтом в Нагорном Карабахе. Центр наконец был вынужден публично признать национальный вопрос проблемой жизненной важности в рабочей повестке Кремля.

Назревшая необходимость реформ в этой области со всей отчетливостью проявилась на проходившей в июне 1988 г. XIX партийной конференции. В. Свобода и Б. Нахайло подчеркивают, что национальный вопрос занял одно из центральных мест в ее работе. «Не только представители Прибалтики, но также делегаты из Армении, Азербайджана, Грузии, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Молдавии и Коми, каждый по-своему, призывали к фундаментальным изменениям в национальной политике и к восстановлению национальных прав нерусских народов. Наибольшее впечатление произвело не только существование поистине единого фронта представителей нерусских народов, но также и тот факт, что теперь за права наций выступили партийные республиканские лидеры» (с. 305).

Большие надежды возлагались на созыв в сентябре 1989 г. специального Пленума ЦК КПСС по пересмотру национальной политики, работа которого прошла под знаком необходимости возвращения к ленинским нормам и принципам, что дало основания западным экспертам, как пишет Г. Смит, определить предпринятые усилия как обращенные «назад в будущее».

Серию очерков о народах Советского Союза открывает глава, посвященная русским, «доминирующей», как определяет С. Диксон (Отделение современной истории, ун-т Глазго), национальности в стране. «Доминирование» автор связывает с действием нескольких факторов, выделяя в первую очередь территориальный: русские заселяют около 80% территории всего государства. «Доминирующая» роль в культурной жизни определяется статусом русского языка как общегосударственного. Важную роль играет и демографический фактор, хотя доля русских в общей численности населения снизилась с 72% в 1923 г. приблизительно до 50% к началу 90-х годов (с. 21).

Как важную особенность автор отмечает некоторые черты психического склада русских, в частности постоянную готовность к отпору якобы угрожающей им внешней агрессии. В памяти русских отражение нашествий захватчиков связано не только с событиями Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., но уходит в глубь столетий: это и Отечественная война 1812 г., и вторжения поляков, шведов, турок, вплоть до монголо-татарского завоевания Киевской Руси. Следствием тяжелых поражений и одержанных побед стало формирование преобладающего представления русских о самих себе не столько как о блестящих триумфаторах, сколько как о людях, готовых к самопожертвованию и самоотверженности. Эта психология стала одной из составляющих образа «старшего брата» в семье советских народов, получивших многие преимущества именно за счет русских, как склопны считать они сами.

По впечатлениям автора, «русские не позволяют себе забыть пережитые страдания. Они постоянно возвращаются к жертвам последней войны: в художественной литературе, в церемониях и ритуалах и, что самое важное, в повседневной жизни, продолжая, например, относиться к хлебу как к национальному богатству, хорошо запомнив, по-видимому, крушение экономики, неспособной производить даже простейшее продовольствие» (с. 22).

Русские опасаются угрозы как извне, так и изнутри Союза. Глубоко усвоенная идея интернационализма, пусть и при достаточно скептическом к ней отношении, поддерживаемая постоянным страхом империалистической агрессии, подрывает этническое самосознание русских. Кроме того, русские находятся под прессом постоянной конкуренции с другими нациями Союза, наиболее явно

с протестантами Прибалтики и мусульманами Средней Азии. В некотором отношении это не лишено оснований, но, трансформировавшись в фантастические формы, становится опасным. Сложилась, судя по литературе, достаточно безосновательная тревога за само выживание русских, а краеугольным камнем современного русского национализма стала идея защиты России от разрушительных воздействий извне. Идея, что русским приходится гораздо хуже, чем всем их «младшим братьям» по Союзу, потенциально представляется наиболее опасной не только для курса Горбачева, но и для политической стабильности в стране в целом.

Обращаясь к дореволюционной истории России, С. Диксон выделяет XVIII в. как время преобладания государственных интересов над национальными чувствами, когда для административного ассимилирования этнических образований в централизованной империи требовалось лишь представление некоторых привилегий местным элитам.

В XIX в. подъем национализма потребовал от России культурного проникновения на вновь присоединенные территории, которое впрочем, несмотря на периодические «высписки русификации», никогда не было реализовано в значительных масштабах.

Русскую национальную идею чаще всего связывали с тремя ее основными составляющими: православной церковью как воплощением авторитета духовной власти, глубокой самобытностью русской истории, восходящей ко времени Московского княжества, и русским крестьянством с его моральной силой добра, выражавшейся в общинном образе жизни и самоуправлении.

Сразу же после Октябрьской революции 1917 г. старая русская культура, казалось, рухнула под напором «пролетарского интернационализма», тогда как развитие национальных культур в первые годы Советской власти приобрело первостепенную политическую важность.

Вместе с тем, как считают западные историки, уже в «ленинской» конституции 1924 г. по инициативе Сталина была зафиксирована преобладающая роль русских в революционных преобразованиях в стране. Десятилетие спустя, в условиях форсированной индустриализации страны и крупных социальных сдвигов в СССР, при быстром укреплении враждебных фашистских режимов за рубежом, началось возвращение к национальным русским ценностям, в частности к патриотическим символам, к таким персонажам русской истории, как Александр Невский, Петр I, Иван Грозный.

В 1941 г., с началом Великой Отечественной войны, получила своего рода «реабилитацию» церковь.

Первые послевоенные годы С. Диксон определяет как время «наивысшего подъема русского шовинизма», что впрочем было естественно связано с признанием как в Советском Союзе, так и за рубежом вклада русского народа в победу над фашизмом.

Годы «холодной войны» не несли ярко выраженной националистической окраски. Однако Хрущев, не склонный к националистическому курсу, своей политикой способствовал его возрождению. Активная антирелигиозная кампания с разрушениями церквей усилила националистические чувства и направила их в русло «охранительного» движения, до сих пор не сдавшего свои позиции в форме учрежденного в 1965 г. Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

К началу 1960-х годов относится возникновение и других направлений национализма: от идеологии «русских патриотов» наиболее шовинистического толка до так называемых национал-большевиков, воинствующих атеистов и консерваторов в политике.

Восторженно принятая общественным мнением «деревенская проза» связала русский национальный вопрос с проблемами морали в обществе и семье. Весь этот «спектр национализмов» оказался полностью представленным в новой интеллектуальной атмосфере Советского Союза, сложившейся с началом реформ Горбачева.

Обращение официальных кругов к национальным идеям автор в первую очередь связывает с изменением отношения к церкви, что, в частности, проявилось в организации торжества в честь тысячелетия крещения Руси в июне 1988 г. Вероятнее всего, администрация видит свою цель не в усилении религии как таковой, а в укреплении с ее помощью «земной» морали в обществе. Не исключено также, что православная церковь рассматривается как один из факторов интеграции славянских республик Союза.

Еще одной важной областью взаимодействия национальных движений и реформ в стране стала получившая официальное признание деятельность «зеленых».

Выразителем интересов и настроений советской интеллигенции стал старейшина академического корпуса Д. С. Лихачев, последовательно отстаивающий необходимость восстановления национального наследия во всем его богатстве. В 1986 г. ученый возглавил Советский фонд культуры, одним из направлений работы которого стал проект создания к 2000 г. Российской энциклопедии.

Сильнейший импульс установление гласности дало пересмотру истории Советского Союза, особенно эпохе сталинизма.

Отношение официальных кругов к представителям крайних националистических позиций, таких, как движение «Память», было неоднозначно: администрация подчеркивала, что не имеет с ней ничего общего, но в условиях гласности жестких запретов на ее деятельность не применяла.

Главам, посвященным народам Прибалтики, предпослано краткое введение. Регион с общим населением 8,8 млн. человек, небольшой по своей территории, был одним из последних по времени вхождения в состав Советского Союза. Урбанизированный, с более высоким, чем в среднем по России, уровнем жизни, с глубоким культурным — языковым и религиозным — своеобразием, тяготеющий к традициям западной демократии, с началом реформ он стал своего рода пробным камнем в вопросе о единстве Союза.

Восточное побережье Балтики в геополитическом отношении на протяжении последнего тысячелетия характеризуется как один из важнейших рубежей соприкосновения славянского и германского миров. Коренное население этих мест — эстонцы, латыши, литовцы — значительно уступало в численности своим соседям и начиная с XII в. поочередно оказывалось в политической зависимости от немцев, шведов, поляков, русских. Период самостоятельной государственности для Эстонии и Латвии практически составлял лишь около двух десятилетий — от выхода в 1918 г. из состава Российской государственности до включения в 1940 г. в Советский Союз как республик.

Демографические процессы на территории всех трех республик определялись действием одних и тех же факторов: массовыми депортациями населения в Сибирь: крупными потерями во время нацистской оккупации; значительным выездом населения, как правило наиболее квалифицированного, на Запад при отступлении немецких войск; послевоенными депортациями; массовым притоком населения из других республик Союза, в первую очередь из России и Белоруссии. В наибольшей степени эти процессы отразились на этническом составе населения Латвии, где в 1989 г. латыши составляли 50,7% от общей численности в 2,7 млн. человек, проживающих в республике (с. 54). Эстонцы, около 1 млн. человек, составляли 61,5% населения (с. 47). Доля литовцев в составе населения Литвы была наивысшей и достигала 80%, или 3068 тыс. из 3690 тыс. общей численности жителей республики (с. 76).

Индустриализация республик, как и коллективизация их сельского хозяйства, была осуществлена по единой общесоюзной модели и в первую очередь в союзных интересах, подчеркивают авторы всех трех очерков. Так, в Прибалтике получило развитие производство с трудоемкими технологиями, зачастую не обеспеченное местным сырьем. От привозного сырья также полностью зависит химическая и металлообрабатывающая промышленность Литвы; в свою очередь республика поставляет на российский рынок 50% всей произведенной продукции, включая и сельскохозяйственную. Еще 21% поставляется в Белоруссию и на Украину; 9% реализуются в Эстонии; только 7% экспортируются за рубеж. Это соотношение становится понятным, замечает автор, если учесть, что контроль за 89% промышленных предприятий республики осуществляется из Москвы (с. 77).

Форсированная индустриализация Латвии, осуществленная за счет постоянного притока необходимых рабочих рук, уже к концу 50-х годов изменила ее аграрный облик на промышленно-урбанистический.

Эстония играла роль своеобразной «лаборатории», где в послесталинский период проходили «испытание» различные способы управления производством. В 1957—1965 гг., в частности, здесь активно действовали совнархозы, которые играли важную роль в республиканской экономике. Но уже к середине 1980-х годов контроль над 90% индустрии республики осуществлялся из Москвы. Навязываемый Эстонии новый проект строительства крупнейшего в Европе комбината по разработке фосфоритовых месторождений был воспринят как прямая угроза экологической среде обитания. Именно экологическое движение в Эстонии положило начало движению за полную национальную независимость.

Авторы всех трех очерков рассматривают этнический состав коммунистических партий республик, пытаясь таким образом определить «показатель политического веса» различных национальностей. Так, в Эстонии доля коренного населения в КПЭ стабилизировалась на уровне 50%. Накануне перестройки коммунистическая партия в республике насчитывала около 100 тыс. человек, что составляло 1,6% всего населения. В высших эшелонах партии доминировали русские или русифицированные эстонцы.

В Латвии, как и в Эстонии, коммунистическая партия становилась все более «русской» по мере увеличения иммиграционных потоков. Коммунистическая партия Литвы, наоборот, становилась все более «литовской». В 1968 г. литовцы составляли 66,3% ее численности, в начале 1989 г. — 70,7% при общем количестве 209 510 человек. Русские в партии составили 17,1% (при доле в общей численности населения 9,3%), в основном это относилось к организациям Вильнюса и Клайпеды (с. 77).

Однако при очевидном преобладании литовцев в главном «инструменте» политической жизни они, как считает автор, не могли достаточно результативно противостоять процессам русификации. Центр жестко контролировал не только экономику, но и культурную жизнь республики, активно внедряя еще с дошкольных учреждений русско-литовский билингвизм.

Аналогичные процессы введения русского языка в программу начального школьного образования и даже в дошкольное обучение в конце 1970-х — начале 1980-х годов вызвали особое беспокойство и рост национальной напряженности в эстонском обществе, воспринявшем эти меры как прямую

угрозу национальной культуре, особенно учитывая неблагоприятную для коренного населения демографическую ситуацию в республике.

В Латвии обстановка в этом отношении была более спокойной. Национальный язык сохранял свои позиции в культурной и общественной жизни как язык образования (практически все желающие могли обучаться на родном языке), язык средств массовой информации, как наиболее важный показатель национальной принадлежности (для 97,8% латышей в 1979 г.) (с. 61). В сохранении и развитии национальной культуры в Латвии, несомненно, важную роль сыграла более высокая, чем в среднем по Союзу, доля коренного населения среди представителей творческих профессий.

Социальные последствия быстрых и радикальных изменений, превративших аграрные общества Прибалтийских республик в индустриальные, неоднозначны и противоречивы. С одной стороны, потребности союзной «экспансионистской» экономики форсировали развитие образования, подготовку научных кадров, обеспечение современным оборудованием, развитие средств массовых коммуникаций. В Литве, например, число врачей и учащихся вузов на 10 тыс. населения превышало аналогичные показатели ряда западноевропейских стран. С другой стороны, та же индустриализация и даже современные сельскохозяйственные технологии стали причиной настоящих экологических катастроф. Серьезную озабоченность вызывает также развитие в республиках Прибалтики ядерной энергетики.

Кроме того, в Прибалтике появились признаки серьезной социальной дезорганизации. Регион занимает первое место в Советском Союзе (Эстония, за ней следует Литва) и одно из первых мест в Европе по потреблению алкоголя; наиболее высок, в той же очередности, уровень разводов: в Литве с 1950 до 1984 г. он увеличился в 20 раз, достигнув 35% от общего числа заключенных браков (с. 78).

Диссидентское движение в Литве в организованной форме возникло как движение за свободу вероисповедания. Его начали активные приверженцы католицизма в ответ на попытки властей полностью подчинить церковь своему влиянию. Одновременно с отстаиванием права вероисповедания как одного из прав человека группой молодых литовцев было выдвинуто и требование национальной независимости. Поэтому позже движение за рестрочечные реформы в Литве естественно приобрело характер движения за национальную свободу.

В Эстонии движение диссидентов оформилось к концу 1960-х годов, когда были утрачены надежды на глубокие реформы по десталинизации страны. В 1970-е годы движение развивалось под знаком экологических проблем; а на рубеже 1980-х годов усилилась обеспокоенность за состояние национальной культуры.

В Латвии, где отсутствовали такие мощные мобилизующие факторы, как религия или осознание угрозы национальной культуре, выступления диссидентов, возможно, более многочисленные, чем в соседних республиках, продолжали оставаться разрозненными.

Заключительные разделы очерков по каждой из республик посвящены подробной хронике политических событий конца 1980-х годов, причем особое внимание авторы уделили политическому маневрированию государственно-партийных элит республик между центром и авторитетными национальными движениями.

Раздел «Юго-западное пограничье» открывает очерк по Украине, особую роль которой в Союзе подчеркивает П. Дункан (Центр славянских и восточноевропейских исследований, Лондонский ун-т). Украинцы — вторая по численности национальность в стране. Общее население республики — 50,8 млн. человек (превышает численность граждан любого из восточноевропейских государств).

Автор обращает внимание на чередование в истории Советской Украины этапов «украинизации» и «русификации». В 1920-е годы в республике проводилась политика «коренизации» — выдвигание на первые роли национальных кадров и развитие национального языка и культуры. С рубежа 1930-х годов эти же явления воспринимались центром уже как «украинский национализм». Возрождение политической и культурной жизни украинцев началось лишь после 1956 г. С этого времени выходцы с Украины, как украинцы, так и русские (Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев), становятся ведущими политическими фигурами в Союзе, а украинцы приобретают статус «младшего из двух старших братьев» в семье советских народов.

Однако и демографическое, и этнолингвистическое развитие республики характеризовалось нарастанием «русского присутствия». Крупный анклав русского и русифицированного населения сформировался в промышленных районах; среди городского населения численность русских достигала 30% (Киев — около 25%). На русском языке велось преподавание в ВУЗах. Материалы переписей населения свидетельствуют, что если в 1959 г. украинский язык считали родным 93,5% украинцев, то в 1979 г. их доля сократилась до 89,1% (с. 99).

Начало перестройки совпало для Украины с трагедией Чернобыля, которая, как оказалось, имела меньшие последствия для политической жизни республики, чем это можно было ожидать. Щербицкий сохранил свой пост до сентября 1989 г., опираясь на поддержку не только местной организации КПСС, но и наиболее реакционного крыла Политбюро ЦК. «Антидемократичность» ситуации на Украине была очевидной для сторонников реформ, но в свете событий в Прибалтике и Закавказье

политическая стабильность в славянской республике была жизненно необходима для возможности продолжения реформ.

Главным выразителем требований демократических преобразований внутри республики стала интеллигенция. Союз писателей Украины возглавил борьбу за реформы еще до оформления общеукраинской национальной организации Рух, учредительная конференция которой состоялась в сентябре 1989 г.

На Украине большей, чем где-либо в Союзе, остротой отличается религиозная ситуация, когда две церкви практически не имеют официального статуса: униатская и украинская православная. «Единые» в своей непризнанности Московской патриархией, церкви выступают не объединяющим фактором в истории Украины, в отличие, например, от Литвы или Армении, а напротив, разделяющим ее территорию на православный Восток и униатский Запад. Позиция Патриархии в отношении украинской церкви ярко проявилась в проведении торжеств по случаю тысячелетия крещения Руси, которые состоялись не в Киеве, что было бы исторически логичным, а в Москве.

В целом, считает автор, настроения украинцев нельзя определять однозначно как сепаратистские. Большое понимание и терпимость Москвы в вопросах национального языка, культуры, религии, защиты окружающей среды могли бы обеспечить надежную поддержку Союзу со стороны Украины. В противном случае, подчеркнул П. Дункан, процесс перестройки будет поставлен под угрозу во всей стране.

Белоруссия — одна из наиболее крупных и вместе с тем, по замечанию Р. Клема (Отдел международных исследований, ун-т Флориды), наименее известная республика Союза.

Этнолингвистический и культурный облик этого восточнославянского региона, первоначально входившего в состав Киевской Руси, сложился во многом под воздействием более позднего 400-летнего доминирования Литвы, получившей эти территории после распада древнерусского государства в результате монголо-татарского завоевания. Со второй половины XVI в. эти земли вошли в состав Польши, а после ее разделов в XVIII в. отошли к России.

Создание белорусской государственности связано уже с советским периодом, а именно с образованием в составе СССР Белорусской Советской Социалистической Республики. Советские источники определяют численность населения БССР в 1939 г. в 8,9 млн., а в 1951 г. — только в 7,8 млн. Во время войны 1941—1945 гг. потери республики оказались наиболее значительными: численность жителей сократилась на 12,7% (на Украине — на 8%, в среднем по стране — на 4,7%) (с. 112—113). Довоенный уровень численности населения был достигнут только к 1969 г.

Война существенно изменила этнический состав населения. За 3 года фашистской оккупации почти полностью было уничтожено еврейское население. С присоединением Западной Белоруссии к СССР большинство поляков переселились в Польшу при одновременном встречном переселении белорусов из Польши и Литвы. В послевоенные годы особенно значительным был приток в республику русского населения.

Темпы урбанизации в БССР были выше, чем в среднем по стране. К 1979 г. в городах проживало уже свыше половины жителей республики, что сказалось и на структуре профессиональной занятости. Вместе с тем по показателям уровня образования Белоруссия занимала в этот период только 10-е место, а в области высшего образования — только 14-е место по стране.

Быстрая социальная мобильность белорусов способствовала формированию этнического самосознания, но одновременно вызывала и противоположные результаты. Следствием урбанизации стало развитие межнациональных контактов, увеличение числа смешанных браков, особенно среди молодежи, что в свою очередь ускоряло процессы акультурации и ассимиляции.

1980-е годы стали временем особенно динамичной модернизации республики и вместе с тем этапом формирования здесь начальных форм национального движения, что представлялось достаточно неожиданным при сложившемся мнении о «невывраженности» этнического самосознания у белорусов.

В первой половине 1980-х годов Белоруссия вышла на второе по Союзу место по темпам роста объемов продукции промышленного и сельскохозяйственного производства. Еще более важно, что с 1980 по 1987 г. Белоруссия лидировала по росту производительности труда. Высокие экономические показатели реализовались в общем росте благосостояния населения. Республика переместилась по уровню доходов на душу населения с 9-го места в 1960 г. на 6-е в 1985 г., впервые превысив средние показатели по Советскому Союзу в целом.

В условиях гласности и демократизации в Белоруссии появились достаточно многочисленные группы, уделяющие особое внимание вопросам национального языка, литературы, истории, проблемам защиты окружающей среды. Наиболее известны «Талака» и «Тутейшие», ставящие целью возрождение национальной культуры.

Характеризуя этническое развитие молдаван в составе Советского Союза, Дж. Эйял (Ин-т оборонных исследований, Лондон) подчеркивает «искусственный», по его мнению, характер этого национального образования. После присоединения Бессарабии в 1940 г. к Советскому Союзу язык местного населения был директивно переведен с латиницы на кириллицу, что и стало основой «особого», отличного от румынского молдавского языка.

Молдавия была одной из последних республик, ставших на путь реформ. Причиной тому послужили преимущественно аграрный характер экономики; этнически смешанный, с преобладанием русских и украинцев состав городского населения; низкая доля представителей коренной национальности среди интеллигенции.

Тем не менее выдвинутый группой Союза писателей в конце 1987 г. призыв к политической либерализации нашел поддержку в массовом оппозиционном движении. Особенностью программы оппозиции стало отсутствие в ней экономических требований.

Центральную группу требований составили «лингвистические»: признание языка коренной национальности государственным, переход на латиницу, признание тождества молдавского и румынского языков. Пункт за пунктом все требования «лингвистической идентификации» были признаны, и принятие Верховным Советом республики Закона о языке означало крупную победу молдаван, считает автор.

В разделе «Закавказье» характеризуется один из наиболее густонаселенных регионов Советского Союза, с общей численностью населения в 1989 г. 15,8 млн. человек. По религиозной принадлежности армяне и грузины — христиане (с III в.), азербайджанцы — мусульмане-шииты. Русское население здесь самое малочисленное по сравнению с другими нерусскими территориями страны.

Центральное место в очерках и по Армении (Э. Херциг, Отделение исследований по Среднему Востоку, ун-т г. Манчестер), и по Азербайджану (Т. Драгадзе, Ин-т восточных и африканистских исследований, Лондонский ун-т) уделено событиям в Нагорном Карабахе. Проследивая исторические истоки этого межнационального конфликта, Т. Драгадзе связывает их с сопровождавшим установление Советской власти национально-государственным размежеванием 1920—1921 гг. (с. 166). В своем современном проявлении конфликт обусловлен как внутриреспубликанскими демографическими, социально-экономическими и политическими процессами, так и межреспубликанскими отношениями.

Вместе с тем оба автора подчеркивают, что карабахский кризис имеет не региональное, а гораздо более масштабное, общесоюзное значение. Для правительства Горбачева решение его представляло особую важность, поскольку прецедент самоопределения национальных меньшинств мог иметь слишком далеко идущие последствия, учитывая множество подобных ситуаций в Союзе (с. 159).

Основным в национальных проблемах Грузии рубежа 1980—1990-х годов Р. Парсонс (Русская редакция Би-би-си, Лондон) считает ее внутренние конфликты. Хотя республиканские власти предпринимали постоянные попытки представить события в Южной Осетии и Абхазии как действия пресловутой «руки Москвы», для непредвзятого наблюдателя очевидна шовинистическая лексика именно грузинского происхождения. Считая, что история Грузии в основном характеризуется гармоничным развитием межнациональных отношений, автор не исключает возможности достаточно острого их конфликтов (с. 192).

Советская «Мусульманская Средняя Азия» включает пять республик, которые населяют тюркоязычные казахи, узбеки, туркмены, киргизы и ираноязычные таджики. Все они, как подчеркнуто названием раздела, объединены единой религиозной принадлежностью. Этот регион, известный до Октябрьской революции под названием Русского Туркестана, был включен в состав Российской Империи лишь во второй половине XIX в. До этого времени Россия практически не влияла на политику в этих землях, да и после революции 1917 г. некоторые части их, как, например, Бухарский эмират и Хивинское ханство, признав формально протекторат Советской Республики, на деле сохранили свой независимый статус.

За исключением Северного Казахстана с его развитой промышленностью, республики Средней Азии остаются преимущественно аграрными, с плохо развитой инфраструктурой и наиболее низкими показателями жизненного уровня в Советском Союзе. Однако по сравнению с зарубежными мусульманскими государствами рост материального благосостояния населения среднеазиатских республик за годы Советской власти очевиден, что всегда подчеркивалось Москвой как достижение социализма. Однако сложившаяся в послевоенное время демографическая ситуация породила экономические и политические проблемы, ставшие в течение длительного периода неразрешимыми для центра. За период с 1959 по 1989 г. население региона увеличилось с 23 млн. до 49,9 млн. человек, что составило 114,8% роста (средний рост населения по Союзу — 36,8%). По прогнозам советских демографов, при сохранении этой тенденции к рубежу тысячелетия советские мусульмане составят четверть всего населения Советского Союза (с. 198).

Практически для всех среднеазиатских республик очень остро стоит проблема безработицы, особенно среди молодежи, что ведет к снижению и без того невысокого жизненного уровня. В ряде регионов экономические трудности осложняются резким ухудшением экологических условий. При выраженном стремлении республик к политическому, экономическому, культурному суверенитету позиции ни одной из них не определяются авторами как однозначно сепаратистские.

Специальный раздел книги посвящен нерусским народам России. Крупнейший из них — татары характеризуются в очерке М. Броксап (Общество среднеазиатских исследований, Лондон). Хотя этот народ обладает территориальной автономией, в Татарской АССР в 1979 г. проживало только 25,9%

от общей их численности 6,3 млн. человек. Крупные группы татар расселяются в соседних с республикой регионах Среднего Поволжья и Приуралья, в Средней Азии и Азербайджане, на Украине. В своей автономии, по данным 1979 г., они составляли несколько менее половины общей численности населения — 47,6%.

Татары исповедуют ислам суннитского толка. Это наиболее вестернизированные и русифицированные советские мусульмане, отмечает автор (с. 277). В XIX и в начале XX в., практически до конца 1920-х годов, им принадлежала ведущая роль в национальном и политическом пробуждении мусульманских наций России, считает М. Броксап. Особое значение для этих процессов имело возникшее в Татарии во второй половине XIX в. джададистское движение, начатое как религиозная реформа, целью которой было включение ислама в современное общество с отказом от крайностей консервативного традиционализма. Ислам был сохранен как основа татарского общества при его быстром экономическом, политическом и культурном развитии конца прошлого века.

В первые годы Советской власти одной из форм национального татарского движения стал «мусульманский национальный коммунизм», наиболее видным, известным и последовательным представителем которого был Султан Галиев, репрессированный уже в начале 1920-х годов. Его идея создания тюрко-мусульманского государства — Республики Туран «от Казани до Памира» (с. 281) была формой выражения панисламизма и пантюркизма, сохранивших до настоящего времени свою политическую актуальность при отказе от наиболее одиозных элементов исламского радикализма и фундаментализма.

Современное национальное татарское движение, разумеется, не замкнуто исключительно «мусульманскими» рамками. Напротив, им была выражена активная поддержка всем национальным движениям в Советском Союзе.

В раздел по нерусским народам России вошли также очерки по бурятам (К. Хамфри, Отделение социальной антропологии, Кембриджский ун-т) и якутам (П. Витебски, Ин-т полярных исследований, Кембриджский ун-т). Особый раздел составили два очерка по диаспорам: крымским татарам (Э. Лазерини, Отделение истории, ун-т Нового Орлеана) и евреям (Й. Горлизки, Колледж св. Антония, Оксфорд).

Заканчивая краткий обзор, хотелось бы особо отметить обращенность обеих книг к западному читателю, по всей вероятности, достаточно широкой аудитории, для которой еще совсем недавно все «советское» привычно отождествлялось с русским. Теперь это единообразие внезапно сменилось экзотичной мозаикой народов и культур.

Обе публикации, как тяготеющая к острой публицистичности с ее резкими и подчас жесткими оценками книга В. Свободы и Б. Нахайло, так и более «академичный» систематический том под редакцией Г. Смита, основаны почти исключительно на материалах не только доступных, но и достаточно хорошо известных широком читательским кругам в нашей стране, не говоря уже о специалистах, занимающихся проблемами национальных отношений. Тем не менее работы представляются далеко не безынтересными и для этих специалистов, отражая процессы научного осмысления зарубежными коллегами острых и противоречивых процессов в нашей стране.

© 1992 г., ЭО, № 5

О НЕИЗДАННОЙ КНИГЕ

Н. Н. Садо м с к а я. Галисийцы. Историко-этнографический очерк. М.: Наука. 1973 (верстка)

Об этой книге следовало сказать сразу же, как только стремительное изменение политической ситуации в нашей стране сделало возможным упоминание о ней в печати. Но противная здравому смыслу расправа с ней, совершенная без малого два десятилетия назад, с неизбежностью предопределила, среди прочих своих скверных последствий, постепенное снижение изначальной актуальности работы. И, может быть, те, кто мог бы сейчас напомнить о книге Н. Н. Садовой, откладывают это ради чего-то более злободневного и животрепещущего...

Все знают, какой оказывалась в «застойные» времена судьба делавшихся на отечественных студиях художественных кинолент, если они сами или их создатели чем-то не устраивали кого-либо из власть имущих: уже готовые работы, со вложенными в них трудом, талантом, поисками и открытиями, наконец, затраченными временем и средствами — отправлялись «на полку», не получая доступа к зрителям и выпадая из общего художественного процесса. Практически то же самое произошло с монографией, о которой идет речь. Н. Н. Садовая и ее муж, принимавшие участие